

Они прошли в главный зал. Тан Шэнь сел за обеденный стол и немного подождал, пока Ван Чжэнь переодевался. Вскоре тот вышел из внутренних покоев, сменив платье на длинный халат из белой парчи. Без чиновничьего облачения он выглядел как благородный и утонченный ученый муж, полностью оправдывая славу «бесподобного чжуаньюаня». Тан Шэнь подумал, что даже в казенном платье его старший соученик разительно отличался от прочих важных господ, неизменно выделяясь из толпы своей статью.

Служанки подали угощения. На столе появились тушеные ломтики осетрины, вяленый окорок, томленный с молодой капустой, четыре сезонные закуски и суп с морскими гребешками.

И Тан Шэнь, и Ван Чжэнь были родом из Цзяннани, поэтому их вкусы совпадали, и большинство поданных блюд были приготовлены в традициях южной кухни.

Следуя правилу «за едой не разговаривают, перед сном не ведут бесед», они пообедали в молчании, после чего перешли в гостиную пить чай. Ван Чжэнь взял написанное Тан Шэнем экзаменационное стихотворение и перечитал его несколько раз. На этот раз он не стал оценивать сами стихи, а спросил:

— Как давно ты копируешь «Стелу монастыря Фамыньсы»?

Тан Шэнь не понял, к чему этот вопрос, но ответил:

— Почти два месяца.

— Младший соученик делает быстрые успехи в каллиграфии.

— Старший соученик переоценивает меня, — спокойно отозвался Тан Шэнь, в его голосе не было и тени гордости.

Еще когда он жил в управе Гусу, он каждый день списывал по пятьдесят листов с крупными иероглифами. А с тех пор, как прибыл в Шэнцзин, скопировал «Стелу монастыря Фамыньсы» ровно тысячу триста двадцать один раз. Он не хотел терять ни минуты: на Осеннем экзамене в августе ему во что бы то ни стало нужно занять высокое место. Как минимум войти в первую десятку. Только тогда на Весеннем экзамене в следующем году разрыв между ним и другими цзюйжэнями окажется не столь велик.

Ван Чжэнь держал в руках лист с каллиграфией Тан Шэня и негромко зачитал написанные на нем строки:

— «Ясная луна озаряет пустоту небес, звезды склоняются над башней, умиротворяющей море...» — Прочитав, Ван Чжэнь на мгновение замолк, а затем с сожалением вздохнул: — Твои сочинения-багу глубоки по замыслу и выстроены со строгой логикой. Пока ты не отклоняешься от темы, ошибок в них не будет. Но вот экзаменационные стихи... о них можно сказать лишь то, что они посредственны.

Тан Шэнь и сам понимал, что его стихи весьма заурядны.

Если сочинения-багу проверяли главным образом логическое мышление и способность выстраивать аргументацию, то экзаменационные стихи требовали истинной эрудиции и начитанности. Тан Шэнь мог обладать феноменальной памятью и цитировать каноны задом наперед, но он не мог по щелчку пальцев превратиться из студента-технаря в великого поэта. Сложение стихов опиралось не только на технику, но и на искру вдохновения, на подлинный врожденный талант.

— Если бы твое поэтическое мастерство возросло, ты наверняка вошел бы в тройку лучших на грядущем зачете в Академии Гоцзыцзянь, — добавил Ван Чжэнь.

Услышав внезапное упоминание зачета в Академии Гоцзыцзянь, Тан Шэнь встрепнулся и поднял глаза на Ван Чжэня.

Тан Шэнь сегодня специально ждал возвращения Ван Чжэня в его усадьбе вовсе не из желания увидеться с ним, а из-за... Посещения императором академии Пиюн! Он хотел узнать, с чего вдруг государь решил прочесть лекцию во Дворце Пиюн и не возникнут ли из-за этого какие-нибудь трудности.

Немного подумав, Тан Шэнь произнес:

— На ежемесячных зачетах в Академии Гоцзыцзянь мои стихи обычно оценивают средне, так что я чаще всего получаю второй класс и ни разу не достаивался первого.

Ван Чжэнь улыбнулся:

— В обычное время это не столь важно. Но если ты попадешь в тройку лучших во время Посещения императором академии Пиюн, выгода окажется немалой.

Тан Шэнь замер и, уставившись на Ван Чжэня, в изумлении воскликнул:

— Старший соученик?!

Тан Шэнь редко выказывал такое замешательство, его глаза округлились от удивления. Ван Чжэня это позабавило. Белым веером он слегка приподнял подбородок Тан Шэня и с мягкой улыбкой спросил:

— Младший соученик, сможешь ли ты войти в тройку лучших?

Десять дней спустя, в первый день шестого месяца, начался зачет в Академии Гоцзыцзянь.

Несколько сотен учеников чинно сидели в аудиториях. Открыв экзаменационные листы, они выглядели гораздо более собранными и серьезными, чем на любом из прошлых испытаний. Тан Шэнь сидел в самом центре Зала Чжэньи. Развернув задание для сочинения-багу, он прочел тему: «Высота неба».

В «Мэн-цзы», в главе «Ли лоу», говорилось: «Небо высоко, звезды далеки, но если постичь причину их движения, то, не сходя с места, можно вычислить день зимнего солнцестояния на тысячу лет вперед». Это означало: как бы ни были высоки небеса и как бы ни были далеки бескрайние звезды, если разгадать закономерность их движения, то можно рассчитать даже те дни, что наступят через тысячу лет.

Тан Шэнь нахмурился.

Тема казалась простой. Речь шла о том, что у всего сущего есть свои законы, и если постичь их и действовать согласно им, непременно добьешься успеха. Для трактата «Мэн-цзы» это было весьма характерное философское изречение. Взяв за основу фразу «Небо высоко», можно было порассуждать о сложности и многообразии мира — это был более надежный путь. Или же докопаться до сути и раскрыть тему с точки зрения фундаментальных законов природы, однако такой размах был слишком велик, и существовал немалый риск уйти в сторону или наделать ошибок.

Однако... в этот раз ему во что бы то ни стало нужно войти в тройку лучших!

Тан Шэнь решился. Обмакнув кисть в тушь, он вывел: «Желающий постичь величие творения должен до конца познать сокровенный смысл законов бытия. Восемь триграмм суть пределы всего, а тьма вещей непременно берет начало из Единого...»

Потратив целых два часа на написание сочинения и тщательно перепроверив его на ошибки, Тан Шэнь аккуратно переписал текст на чистовик. Затем он перешел к теме экзаменационного стихотворения.

На ежемесячных зачетах в Академии Гоцзыцзянь проверялись лишь две работы: сочинение-багу и стихотворение на заданную тему.

На этот раз темой стихотворения было «Отчетливые созвездия». В оригинале строка звучала как «Отчетливые созвездия сияют подле меня» — ее написал поэт прошлой династии во время восхождения на гору для созерцания звезд.

Восхождение на гору, созерцание звезд...

Тан Шэнь задумчиво свел брови. Почти полчаса спустя он набросал на черновике первую строчку:

«Вздывается ветер над цепью холмов, колыша листву,

И тени ложатся на звездный узор и лунный след».

В этих строках использовалась инверсия: они повествовали о том, как над горной грядой поднялся ветер, всколыхнув листву деревьев, а отражения звезд и луны растворились в тени гор, не оставив и следа. Но едва закончив писать, Тан Шэнь уставился на листок и погрузился в молчание.

Всего в Академии Гоцзыцзянь обучался пятьсот шестьдесят один студент. Из них двоим перевалило за сорок, а семидесяти шести — за тридцать. Все они годами готовились к государственным экзаменам, и каждый умел мастерски писать сочинения-багу. Среди них выделялись двое: тридцатидвухлетний Лю Фан, чьи багу Ректор Линь признал лучшими среди всех соучеников, и Мэй Шэнцзэ — близкий друг Тан Шэня, чей поэтический талант достиг невероятных высот.

Эти двое практически гарантированно должны были занять первые два места на зачете, так что свободным оставалось лишь одно вакантное место в тройке.

В Академии Гоцзыцзянь собирались лучшие умы всей Великой Сун. Раз уж Ван Чжэнь намекнул, что победители получают награду, значит, эта награда была поистине царской. Ведь на нее обратил внимание сам Ван Чжэнь, решивший из дружеских чувств предостеречь Тан Шэня.

Тан Шэнь молча посмотрел на написанные строки, тяжело вздохнул и мысленно взмолился: «Бессмертный поэт Цинлянь, прости грешного, не держи зла».

Затем он уверенным взмахом кисти на одном дыхании начертил на бумаге стихотворение.

Когда зачет подошел к концу, наставники собрали работы учеников.

Зачеты в Академии Гоцзыцзянь не приравнивались к государственным экзаменам, поэтому имена авторов на листах не скрывали. В этот раз проверке придавали такое значение, что Ректор Линь лично явился в экзаменационную палату.

— Найдите мне работы Лю Фана и Мэй Шэнцзэ, — распорядился он. — Я взгляну на них.

Наставники быстро отыскиали нужные свитки.

Ректор Линь первым делом развернул работу Лю Фана. С каждой строчкой его глаза загорались все ярче.

— Прекрасно! «Пусть трудно познать тайны творения, но есть простые методы его постижения, доказывающие, что нет нужды пробивать дорогу вслепую». Сочинение написано превосходно. Однако стихи... хоть слог и безупречен, в них чувствуется лишь сухое ремесло, но нет живой искры.

Отложив этот свиток, он взял работу Мэй Шэнцзэ.

— Он раскрыл тему через многообразие и сложность сущего. Прием хитрый, пусть и не новый, зато структура текста строгая, а аргументация убедительна — это тоже достойная работа. А стихи просто великолепны! Какова строка: «Звездный рой взметнулся ввысь, озаряя луну над горами»! Что ж, судя по всему, в тройке лидеров этого зачета Лю Фан непременно займет первое место, а Мэй Шэнцзэ — второе.

Ректор Линь посерьезнел:

— Коллеги, не стану скрывать: после Посещения императором академии Пиюн Его Величество самолично пожелает проверить знания тех троих, кто покажет лучшие результаты на этом зачете.

В экзаменационной палате поднялся шум.

— Об этом я сам узнал от Евнуха Цзи только сегодня в полдень, — продолжил Ректор Линь. — А потому прошу всех отнестись к проверке с предельной строгостью и вниманием. Ни малейшей оплошности допускать нельзя. Иначе... — Холодно хмыкнув, Ректор Линь грозно добавил: — Иначе наказание будет суровым! Мягкая кара — лишение жалованья, суровая — лишение чина и позорная отставка!

Не успел он договорить, как среди проверяющих наставников раздался изумленный возглас.

Ректор Линь строго посмотрел на нарушителя спокойствия:

— К чему этот шум?

<http://bllate.org/book/18292/1754502>